

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ДАТИРОВКИ БРАКА БУДУЩЕГО ДЕМЕТРИЯ II И СТРАТОНИКИ

В своей новой статье “Заметки о матримониальной политике Антигонидов в 50–20-е гг. III в. до н.э.”, опубликованной в первом номере журнала “Проблемы истории, филологии, культуры” за 2012 год, О.Л. Габелко (Москва) и Ю.Н. Кузьмин (Самара) оспорили предложенную мной ранее датировку брака будущего царя Македонии, Деметрия II, и царевны из дома Селевкидов, дочери Антиоха II Теоса, Стратоники [Габелко, Кузьмин 2012, 27–34]. На страницах этой публикации российские исследователи, как и в своей предыдущей совместной работе по данной тематике, высказались в пользу традиционной датировки упомянутого события. Согласно их мнению, брак будущего Деметрия II со Стратоникой был заключен в конце 250-х гг. (тут и далее – до Р.Х.) и приурочен к окончанию II Сирийской войны [Габелко, Кузьмин 2008, 147 прим. 30, 149–150; они же 2012, 27–34].

С моей же точки зрения, этот брак состоялся в середине 246 г. в преддверии III Сирийской войны. В пользу данной датировки, на мой взгляд, свидетельствуют два немаловажных обстоятельства. Во-первых, временная утрата законного статуса детьми Антиоха II от первого брака вследствие женитьбы этого царя на дочери Птолея Филадельфа Беренике в 252 г. И во-вторых, выступление Деметрия в качестве жениха или даже недолговременного супруга вдовы Александра Коринфского Никеи в середине 240-х гг. [Зелинский 2009, 187–193; он же 2011, 84–89].

В свою очередь, мои коллеги выдвинули ряд аргументов, призванных подвергнуть сомнению предложенную мной датировку. Среди них можно назвать следующие: 1) кратковременность периода между смертью Птолея II и Антиоха II, на который, по моему мнению, одновременно приходится эпизод, связанный с Никеей, и ведение переговоров о последующей женитьбе вышеупомянутого царевича на Стратонике [Габелко, Кузьмин 2012, 28–29]; 2) отсутствие у Селевкидов понятия “брачный мезальянс” [Габелко, Кузьмин 2012, 29]; 3) условность понятия “незаконнорожденность” по отношению к представителям эллинистических царских домов и некорректность применения данного термина в отношении детей Антиоха от первого брака [Габелко, Кузьмин 2012, 30]; 4) соблюдение интересов двоюродной сестры и первой супруги Антиоха II Лаодики после развода с ней вышеназванного царя [Габелко, Кузьмин 2012, 29–30]; 5) необходимость заключения династического брака, долженствовавшего ознаменовать новое сближение между Антигонидами и Селевкидами в конце 250-х гг. [Габелко, Кузьмин 2012, 28, 30–31]; 6) возможное бесплодие Стратоники, дававшее Никее надежду стать в будущем полноправной царицей Македонии, родив Деметрию сына [Габелко, Кузьмин 2012, 31–33]; 7) сомнение по поводу возможности отсутствия супруги у македонского царевича, достигшего тридцатилетнего возраста (примерно столько должно было исполниться Деметрию в середине 240-х гг.) [Габелко, Кузьмин 2012, 32–33].

Соображения, высказанные О.Л. Габелко и Ю.Н. Кузьминым, побудили меня еще раз проверить и отчасти пересмотреть предложенную ранее гипотезу. В частности, не могу не признать правоту первого из приведенных выше аргументов. Действительно, период между смертью Птолея Филадельфа (конец января 246 г. [Бикерман 1975, 178; Hoelbl 2001, 46, 71 *not.* 71; Huss 2001, 331; Grainger 2010, 153]) и Антиоха Теоса (начало лета 246 г.), указанный авторами статьи (см. прим. 1), является недостаточным для корректного размещения всех событий, упомянутых мной в предыдущих публикациях. А именно: от-

равления Александра Коринфского, сватовства Деметрия к Никее, захвата Антигоном Гонатом Акрокоринфа, параллельных переговоров македонского царя с Антиохом II о браке Деметрия со Стратоникой и, наконец, заключения самого этого брака [Зелинский 2009, 191–192; он же 2011, 85–86]. Даже если предположить, что селевкидский царь умер не в начале лета, а лишь во второй половине июля 246 г. (на что указывает свидетельство хроники Евсевия), мои хронологические выкладки действительно представляются чересчур категоричными. Исходя из этого, я готов допустить, что брак между македонским царевичем и дочерью Антиоха Теоса вполне мог произойти в конце лета или даже в начале осени 246 г., т.е. уже во время царствования старшего сына Теоса от первого брака, Селевка II Каллиника. Вместе с тем должен подчеркнуть, что данное обстоятельство ни в коей мере не препятствует отнесению прочих вышеупомянутых событий на последние пять месяцев жизни Антиоха II, при котором и начались переговоры о заключении интересующего нас династического брака. В пользу данного обстоятельства свидетельствует заинтересованность обеих договаривающихся сторон в спешном заключении прочного наступательно-оборонительного союза, направленного против Птолемеев, а именно против третьего представителя александрийской династии Птолемея Эвергета, чьим интересам в той или иной мере угрожали действия Теоса и Гоната, предпринятые ими после смерти Филадельфа [ср.: Зелинский 2009, 192; он же 2011, 86].

При этом я вынужден отметить недостаточную убедительность прочих положений, высказанных моими оппонентами. Так, в отличие от О.Л. Габелко и Ю.Н. Кузьмина, не столь уж бесспорным представляется мне вывод Э. Бикермана об отсутствии у Селевкидов понятия мезальянса.

В своей работе, посвященной государству Селевкидов, упомянутый ученый писал следующее: “Понятие мезальянса [у Селевкидов] отсутствовало. Селевк I сохранил Апаму, свою жену-персиянку, женой Селевка II была Лаодика, дочь Ахея. Еще в 191 г. до н.э. Антиох III мог жениться на молодой греческой девушке Евбее в порядке “пьяного каприза”. Современники посмеивались над этими поздними любовными увлечениями царя, но не упрекали его за вступление в неравный брак” [Бикерман 1985, 26–27].

Прежде всего, следует отметить, что Э. Бикерман, говоря об отсутствии понятия “мезальянс” у Селевкидов, почему-то рассматривает брачную политику сирийских царей как статичное явление, что не соответствует действительности. Как весьма убедительно показал Д. Огден, принципы династической практики Селевкидов, напрямую связанные с вопросами матримониальной политики сирийских царей, изменялись как минимум дважды [Ogden 1999, 117]. Собственно, и сам Э. Бикерман в той же работе несколькими строками выше, по сути, также говорил об изменениях, присущих брачной политике Селевкидов за время правления этой династии [Бикерман 1985, 26].

Далее, сами примеры, приведенные Э. Бикерманом в защиту данной точки зрения, являются недостаточно корректными. Как известно, Селевк Никатор женился на Апаме в то время, когда он даже не мог помышлять о царском титуле [Arrianus 1899, VII, IV, 5–6; Бенгтсон 1982, 60–61; Шахермайр 1984, 292–293; Ogden 1999, 119, 159 *not.* 6]. Кроме того, не исключено, что иранская аристократка находилась в родстве с Ахеменидами, что впоследствии стало немаловажным обстоятельством для Никатора, получившего контроль над значительной частью персидского наследия [ср.: Strabo 1899, XIV, III, 15; Tarn 1929, 140–141; Seibert 1967, 47; Ogden 1999, 119, 159 *not.* 6–7]. Ахей, на чьей дочери и внучке были женаты, соответственно, Антиох II и Селевк II [Eusebius 1967, I, 251; Polybius 1882, IV, 51; VIII, 22; ср.: Бенгтсон 1982, 221; Grainger 1997, 5; McGing 2010, 26], по мнению многих исследователей, был младшим братом Антиоха I и родоначальником младшей ветви династии Селевкидов [см., н-р: Beloch 1927, 204–206; Seibert 1967, 57; Billows 1995, 96–97; Grainger 1997, 127–128; idem 2010, 109, 135; Габелко 2006, 509; Габелко, Кузьмин 2008, 144, *прим.* 18; они же 2012, 29; ср.: Ogden 1999, 160 *not.* 18]. Что же касается брака Антиоха III с девушкой из знатной халкидской семьи, получившей впоследствии имя Эвбея [Polybios 1882, XX, 8], то этот случай смело можно назвать исключением, лишь подтверждающим правило. В пользу такого положения вещей свидетельствует удивление и даже возмущение, которое просматривается в наших источниках в связи с данным поступком Антиоха [Polybios 1882, XX, 8; Diodorus 1884 XXIX, f. 2; XXXI, f. 2; Livius 1912,

XXXVI, 11; Appianus 1962, 16; Justinus 1911, XXXI, 6; Plutarchus 1968, 16; ср.: Ogden 1999, 137–138, 165 not. 124]. На наш взгляд, это обстоятельство говорит о том, что подобные неравные браки не были в порядке вещей у представителей дома Селевкидов. К тому же существует ряд дополнительных соображений, делающих неравный брак Антиоха III не столь вызывающим и, собственно, отодвигающих проблему мезальянса на второй план. Так, нельзя не принимать во внимание политический аспект данной женитьбы, при помощи которой сирийский царь, вероятно, рассчитывал укрепить духовные связи с Элладой [Ogden 1999, 138; Grainger 2002, 219–220; ср.: Plutarchus 1968, 16]. Кроме того, не исключена вероятность, что Антиох сделал Эвбею своей женой, но не дал ей при этом титула царицы [ср.: Ogden 1999, 138, 165 not. 126].

И наконец, возвращаясь непосредственно ко мнению О.Л. Габелко и Ю.Н. Кузьмина по данному вопросу, следует отметить, что моим коллегам стоило бы рассматривать проблему наличия либо отсутствия мезальянса в случае общепринятой датировки брака Деметрия и Стратоники не с точки зрения Селевкидов, а с точки зрения Антигонидов. Поскольку именно наследнику, а возможно, и соправителю Антигона Гоната [см.: Кузьмин 2005, 59–71; Габелко, Кузьмин 2012, 31] – второму человеку в македонском царстве – пришлось бы после окончания II Сирийской войны брать в жены дочь “отставленной” супруги Антиоха II.

Теперь рассмотрим вопрос об уместности употребления понятия “незаконнорожденность” в контексте реалий, имевших место в эллинистических царских домах, и о корректности использования данного термина в интересующем нас случае. Прежде всего, вынужден признать, что этот термин я употребил действительно не совсем уместно. При этом данная неуместность носит скорее не частный, а общепонятийный характер. Говоря о незаконнорожденности детей Антиоха от Лаодики, я, конечно же, имел в виду не их рождение вне брака, а утрату ими права на ведущую роль во внутрдинастической иерархии вследствие утраты их матерью статуса законной царской супруги [Зелинский 2009, 188; он же 2011, 84]. Исходя из этой двусмысленности, в дальнейшем я не стану употреблять данный, вводящий в заблуждение, термин. Впредь я ограничусь использованием понятия “утрата законного статуса”, хоть и более громоздкого, но вместе с тем более соответствующего действительности. Последнее понятие, как мы увидим, было далеко не чуждым для эллинистических царских династий. В том числе и для дома Селевкидов.

Так, по мнению Д. Огдена, которое я всецело разделяю, одной из причин брака будущего Антиоха I с женой Селевка Никатора Стратоники, уступленной царевичу собственным отцом [Maximus 2000, V, 7e, 1; Appianus 1962, 59–62, 65; Plutarchus 1875, 38], было желание престарелого царя сохранить за Антиохом статус наследника престола. Как показал английский исследователь, положение Антиоха, сына Селевка от Апамы, оказалось бы существенно подорванным, если бы у сирийского царя и его новой жены Стратоники родился ребенок мужского пола. Соответственно, с целью избежания такой возможности Никатор и отказался от молодой супруги в пользу сына [Ogden 1999, 121–123, 160 not. 20–30].

На понижение статуса детей Птолемея Сотера от Эвридики после провозглашения их единокровного брата, будущего Птолемея Филадельфа, сына Сотера от Береники, наследником александрийского престола [Theocritus 1881, XVII; Trogius 1956, XVI; Justinus 1911, XVI, 2; Pausanias 1973, I, VI, 8; Diogenus 1922, V, 78–79; ср.: Bevan 1927, 51–54; Бенгтсон 1982, 55–56; Hoelbl 2001, 24–25; Huss 2001, 249] указывает С. Дмитриев. По мнению этого исследователя, именно повышение статуса Филадельфа, а равно и его полной сестры Арсинои, за счет детей Сотера от первой жены привело к внутрдинастической рокировке при дворе Лисимаха Фракийского. Речь идет о неожиданном отказе Лисимаха в праве на престолонаследование своему старшему сыну, Агафоклу, женатому на Лисандре, дочери Птолемея Сотера и Эвридики [Pausanias 1973, I, IX, 6–7; X, 3–4; ср.: Plutarchus 1875, 31], в пользу детей от своей последней жены – вышеупомянутой Арсинои [Appianus 1962, 64; Justinus 1911, XVII, 1; Pausanias 1973, I, X, 3–4; Dmitriev 2007, 135–149]. В свою очередь, возвращение законного статуса детям самого Филадельфа от его первой опальной жены было сопряжено с их усыновлением новой супругой и родной сестрой египетского царя – все той же Арсиноей [OGIS, 54; P.Hib,

91; Mahaffy 1899, 76, 78; Ранович 1950, 178; Świderek 1967, 175; Lewis 1986, 41; Kirsten, Opelt 1989, 57; Jones, Nabicht 1989, 321; Жигунин 2000, 41; Kosmetatou 2004, 220 *not.* 24; Buraselis 2005, 95–96, 98; Зелінський 2006, 45–46; он же 2009, 26–38; Mori 2008, 26 *not.* 42; Mueller 2009, 100–102; Габелко, Кузьмин 2012, 37].

И наконец, Антигон Досон, став царем Македонии и женившись на вдове Деметрия II Фтии/Хрисеиде, специально подчеркнул неизбежность прав на наследование македонского престола в отношении своего пасынка, будущего Филиппа V [Eusebius 1967, I, 138; ср.: Ogden 1999, 182, 196 *not.* 85; Габелко, Кузьмин 2012, 35, *прим.* 42]. Это заявление должно было послужить гарантией сохранения ведущего внутридинастического статуса за отпрыском Деметрия в случае появления у Досона и Хрисеиды собственных сыновей.

Таким образом, мы наблюдаем несколько случаев, демонстрирующих повышение, понижение либо специально оговоренное сохранение статуса ряда отпрысков всех ведущих эллинистических царских домов. Причем данные явления, как правило, были неразрывно связаны с изменениями положения, занимаемого во внутридинастической иерархии их матерями. Из общего ряда отчасти выпадает пример, связанный с Антигоном Досоном. Однако и в данном случае статус отпрысков македонского царского дома был непосредственно связан с личностью одного из их родителей. Только, в отличие от предыдущих примеров, означенная роль принадлежала не матери, а отцу того или иного ребенка. Т.е. положение царских детей при эллинистических дворах так или иначе зависело от факторов, связанных с их рождением.

В заключение стоит подчеркнуть, что, на мой взгляд, не существует оснований, не позволяющих экстраполировать вышеуказанный принцип на внутридинастические реалии, имевшие место при дворе Антиоха Теоса. В пользу соответственной экстраполяции свидетельствуют данные, переданные Порфирием/Иеронимом, а равно отсутствие источников, способных их опровергнуть. Более того, с моей точки зрения, на снижение статуса детей Лаодики после женитьбы Антиоха на дочери Филадельфа указывает тот красноречивый факт, что старший сын сирийского царя, невзирая на сложившийся к тому времени в державе Селевкидов принцип диархии [ср.: Бикерман 1985, 23–24; Sherwin-White, Kuhrt 1993, 25; Ogden 1999, 117–118, 123], не был назначен соправителем отца.

Перейдем к вопросу о положении двоюродной сестры и бывшей жены Антиоха II Лаодики после развода (собственно, затрагивая данный вопрос, авторы статьи волевым образом признали существование взаимосвязи между статусом детей эллинистических правителей и положением их матерей). Полностью разделяю точку зрения О.Л. Габелко и Ю.Н. Кузьмина о том, что развод с Лаодикой мог носить со стороны Теоса вынужденный характер [Габелко, Кузьмин 2012, 29, *прим.* 16; ср.: Appianus 1962, 65; Porphyrius 1923–1958, FGH, f. 43; = Hieronymus 1958, XI, 6–7]. На этом основании будет логично сделать вывод, что причины, крившиеся за разводом сирийского царя с Лаодикой и последующей его женитьбой на дочери Филадельфа Беренике, были более чем существенны (см. ниже). Из чего следует, что Антиох, хотя бы на первых порах, был вынужден соблюдать все условия, связанные с новым браком. В том числе и устранение сыновей Лаодики от престолонаследия. А значит, ни о каком сохранении высокого статуса за бывшей царицей и ее детьми в данный период попросту не могло быть и речи.

Более того, на мой взгляд, основной довод, приведенный авторами статьи в пользу прочного положения бывшей супруги Теоса при дворе, на самом деле свидетельствует как раз об обратном. Речь идет о размещении в общеэллинистическом святилище Великих богов на острове Самофракии копии документа, содержание которого сводится к фактической уступке земельного владения в Малой Азии, сделанной Антиохом в пользу Лаодики [OGIS, 225]. Исходя из данного обстоятельства, мои коллеги пишут следующее: “Отметим сам факт публикации на священном острове не межгосударственного договора или почетного постановления в честь царя, а, скажем так, хозяйственного документа; это указывает на важность фигурирующих в нем субъектов – селевкидского монарха и его первой жены” [Габелко, Кузьмин 2012, 30]. С моей же точки зрения, упомянутое обстоятельство свидетельствует о неуверенности бывшей царицы в соблюдении ее имущественных прав со

стороны Антиоха либо, что вероятнее, со стороны его будущих потомков, рожденных от второго брака. Если бы Лаодика чувствовала себя уверенно в новой ситуации, возникшей при селевкидском дворе, то она бы не нуждалась в предоставлении ей дополнительных гарантий сохранения новоприобретенной недвижимости. Распоряжение же Антиоха о размещении одной из копий вышеупомянутого документа в одном из наиболее почитаемых храмов греческого мира, находящемся вне сферы влияния Селевкидов [ср.: Will 1979, 241], по моему мнению, должно было служить дополнительной гарантией незыблемости прав Лаодики на уступленное ей владение.

Столь же сомнительным, с моей точки зрения, является и утверждение О.Л. Габелко и Ю.Н. Кузьмина, согласно которому Лаодика, равно как и ее дочь Стратоника, должна была сохранить высокий статус в доме Селевкидов благодаря близкому кровному родству с сирийскими царями [Габелко, Кузьмин 2012, 29–30]. Не следует забывать, что первая супруга Теоса хоть и доводилась мужу родственницей (предположительно двоюродной сестрой), однако принадлежала к младшей ветви Селевкидов, происходящей от Ахея (см. выше). Вследствие развода она, скорее всего, согласно греческому обычаю, должна была вернуться под формальную опеку собственного отца либо старшего из братьев. Таким образом, она бесспорно сохранила статус члена царской семьи, но вследствие второстепенного положения своих ближайших родственников претендовать на ведущую роль в доме Селевкидов уже не могла. Соответственно, и Стратоника, несмотря на принадлежность к царскому дому как по отцу, так и по матери [ср.: Габелко, Кузьмин 2012, 30], в сложившейся ситуации должна была частично утратить свою матримониальную ценность.

Вместе с тем в связи с вопросом о статусе Лаодики после развода нельзя не упомянуть весьма любопытный вавилонский клинописный документ, датированный 248 годом, в котором бывшая царица названа женой Антиоха II [Boyi 2004, 146; ср.: Grainger 2010, 153; Габелко, Кузьмин 2012, 30]. На первый взгляд, это обстоятельство должно свидетельствовать в пользу сохранения за Лаодикой статуса царской супруги даже после женитьбы Теоса на Беренике либо, как считает Дж. Грейнджер, о довольно скором возвращении ей упомянутого статуса [Grainger 2010, 153]. Однако свидетельство вышеуказанного документа расходится с данными всех известных нам нарративных источников, говорящих о разводе Теоса с Лаодикой по окончании II Сирийской войны и о повторном обретении ею положения царицы лишь накануне смерти Антиоха (см. выше).

С моей точки зрения, существует некое довольно гипотетическое, но вместе с тем не лишённое правдоподобности объяснение, способное пролить свет на непонятный поступок автора Вавилонского документа. Как мне представляется, наименование Лаодики женой Антиоха было результатом чересчур поспешной реакции жителей Вавилона на слухи о возможном возвращении первой супруги Теоса к царскому двору. Как мы увидим ниже, Антиох был вынужден расстаться с Лаодикой из чисто политических соображений. При этом, как показывают события 246 года, сирийский царь готов был при первой же подходящей возможности вернуть своей бывшей жене и ее детям ранее утраченный статус. Тем более что послевоенные отношения Антиоха с александрийским двором были далеко не идиллическими (см. ниже). Формальным же поводом для первой попытки развода с Береникой могла послужить длительная бездетность последней. До нас дошел анекдот, в котором рассказывается, как Птолемей Филадельф, выдав замуж Беренику, посылал ей нильскую воду, чтобы его дочь пила воду только из этой реки [Polybius 1882, Per. F. 154 = Athenaeus 1887, II, 45c]. По мнению современных исследователей, за этой прихотью Филадельфа стояло желание последнего ускорить рождение у Береники сына, поскольку нильская вода якобы способствовала увеличению плодородия во всех его проявлениях [Beyer-Rothhoff 1993, 19; ср.: Ogden 1999, 129, 163 *not.* 77]. По моему мнению, отец Береники мог прибегнуть к столь оригинальному средству ввиду продолжительного отсутствия у дочери потомства. Не трудно также допустить, что последнее обстоятельство могло вызвать нарекания со стороны Антиоха, переходящие в разговоры о расторжении бесплодного брака и возвращении к первой жене. Эти-то разговоры, дошедшие до Вавилона, и могли подтолкнуть автора интересующего нас текста, возможно желавшего угодить

Антиохи и подчеркнуть лояльность к Лаодике, к упоминанию последней в качестве супруги сирийского царя.

Весьма уязвимым является, на мой взгляд, и следующий аргумент, приведенный моими коллегами. По их мнению, политическая ситуация, сложившаяся в Восточном Средиземноморье на момент окончания II Сирийской войны, неукоснительно требовала нового сближения государства Селевкидов с Македонией, скрепленного династическим браком (см. выше). Разделяя точку зрения О.Л. Габелко и Ю.Н. Кузьмина касательно охлаждения, возникшего между Селевкидами и Антигонидами в середине 250-х гг. [Габелко, Кузьмин 2008, 149–150; они же 2012, 28, *прим.* 7], я по-прежнему не склонен датировать урегулирование взаимоотношений между обеими династиями временем завершения II Сирийской войны. Как уже было мной отмечено в предыдущих публикациях на данную тему, в 253/252 г. Антигон Гонат пребывал на пике своего могущества [Зелинский 2009, 189; он же 2011, 85]. Владение Деметриадой, Халкидой Эвбейской и Коринфом – этими “оковами Эллады” [Hammond, Walbank 1988, 269–270; Adams 2010, 220–221] – в совокупности с прямым или косвенным контролем над значительной частью балканской Греции и влиянием на Кикладах позволяли победителю в Хремонидовой войне и в навмахии при Косе чувствовать себя более чем уверенно [см., н-р: Бенгтсон 1982, 184–185; Walbank 1984, 236–243; Hammond, Walbank 1988, 291–294; Кузьмин 2003.1, 114–133; Adams 2010, 221]. Соответственно, правитель Македонии в тот момент не нуждался в кардинальном сближении с Селевкидами, скрепленном к тому же весьма сомнительным браком Деметрия с дочерью Лаодики.

Следует признать, что, вопреки моему более раннему утверждению [Зелинский 2009, 189; он же 2011, 85], положение Антиоха Теоса на момент заключения мира с Филадельфом было менее завидным, чем у Гоната; но, даже невзирая на это, правитель державы Селевкидов не испытывал серьезной необходимости в возобновлении тесной дружбы с македонским правителем. Сирийский царь хоть и победил в войне с Египтом [см., н-р: Will 1979, 238–243; Hienen 1984, 418–419; Winnicki 1989, 58–77; Hoelbl 2001, 44–45; Huss 2001, 286–287; Grainger 2010, 117–152], но эта победа досталась ему слишком дорогой ценой. Пользуясь сосредоточением основных сил Антиоха на борьбе с Филадельфом, от государства Селевкидов отпали Парфия и Бактрия [Justinus 1911, XLI, 1; Strabo 1899, XI, IX, 2–3; Artianus 1923–1958, ФГХ, 156, f. 31–32; Appianus 1962, 65; Debevoise 1938, 9–10; Musti 1984, 213–214, 219–220; Walbank 1993, 140; Grainger 2010, 140–141]. Похоже, что именно этим обстоятельством можно объяснить согласие Антиоха на заключение мира, сопряженного с небезопасным для судьбы династии разводом с Лаодикой и последующей женитьбой на Беренике [ср.: Will 1979, 239–240]. Вероятнее всего, в первые несколько лет после окончания войны все внимание Теоса было сконцентрировано на тщетных попытках урегулирования ситуации, сложившейся в восточных областях его державы. При этом сближение с Македонией вряд ли могло бы стать для него существенным подспорьем в решении упомянутой проблемы. Кроме того, в сложившейся ситуации Антиох должен был бы выступить не только как инициатор примирения с македонскими родичами, но и как более слабая из договаривающихся сторон. В этом случае ему пришлось бы пойти на определенные уступки, в том числе связанные с контролем над фракийской территорией, приобретенной накануне или во время II Сирийской войны. Учитывая же тот факт, что к началу III Сирийской войны упомянутая территория оставалась у Селевкидов, можно со значительной долей уверенности предположить, что в конце 250-х гг. Антиох не предпринимал никаких серьезных попыток к сближению с Македонией.

На мой взгляд, некоторое потепление в отношениях между сирийским и македонским царями могло произойти лишь в 250/249 г. Причиной тому стало усиление внешней активности Египта, с одной стороны, и ослабление позиций Македонии – с другой. Так, в 251–250 гг. Филадельф, пользуясь проегипетскими симпатиями молодого правителя Сикеона Арата [Cicero 1994, II, 82; Plutarchus 1971, 11–13, 15; Жигунин 1980, 114–120; Huss 2001, 303; Grainger 2010, 151] и отпадением от Антигона своего вероятного союзника – нового македонского наместника Коринфской области и Эвбеи Александра [Trogus 1956, XXVI; Жигунин 1980, 114–120; Buraselis 1982, 171; Huss 2001, 303; Кузьмин 2003.2,

63–67; Зелинский 2008, 52; Grainger 2010, 151], вновь усилил свое влияние в балканской Греции и на Кикладах [Buraselis 1982, 170–172; Hoelbl 2001, 45; Huss 2001, 303–304]. Примерно в это же время египетский правитель заключил соглашение со своим сводным братом, киренским царем Магасом о фактической инкорпорации Киренаики в состав птолемеевской империи после смерти последнего [Justinus 1911, XXVI, 3]. Это соглашение косвенно ущемляло интересы Антиоха, на чьей сестре Апаме был женат Магас [Eusebius 1967, I, 249; ср.: Hoelbl 45; Grainger 2010, 146–148, 151]. Таким образом, действия египетского царя тем или иным способом были направлены как против Гоната, так и против Теоса, что не могло не подтолкнуть обоих правителей к новому сближению. При этом, в отличие от политической ситуации, сложившейся в конце 250-х гг., Антиох и Антигон выступали бы фактически на равных. Следует также отметить, что именно в контексте данного сближения стоит рассматривать и заключение, если можно так выразиться, второстепенного династического союза, послужившего еще одним связующим звеном между домами Антигонидов и Селевкидов. Речь идет о кратковременном обручении (или даже формальном бракосочетании [ср.: Зелінський 2006, 43–49]) единокровного брата Антигона Гоната, Деметрия Красивого [Plutarchus 1875, 53; Diogenus 1922, IV, 41; Eusebius 1967, I, 237], и дочери Магаса Киренского от Апамы, родной племянницы Антиоха Теоса (!) Береники, состоявшемся в 250/249 г. [Trogus 1956, XXVI; Justinus 1911, XXVI, 3; Ogden 1999, 80–81; Hoelbl 2001, 45–46; Bennett 2003, 69–70; Grainger 2010, 146–148].

И в заключение осталось рассмотреть два последних аргумента, предложенных моими коллегами в рамках нашей дискуссии. Речь идет о соображениях, непосредственно связанных с династической историей державы Антигонидов. О.Л. Габелко и Ю.Н. Кузьмин видят возможную причину согласия Никеи на брак с Деметрием, женатым к тому времени на Стратонике, в бездетности последней. Они считают, что вдова Александра надеялась оттеснить сирийскую царевну от македонского трона, родив Деметрию сына (см. выше). Но не стоит забывать, что в середине 240-х гг. дочери Антиоха было всего лишь около двадцати лет [Габелко, Кузьмин 2012, 32], тогда как вдове Александра (между прочим, не имевшей детей в предыдущем браке) – около сорока [Габелко, Кузьмин 2012, 32–33]. Таким образом, нам представляется невероятным, чтобы осторожная и осмотрительная Никея, зная о наличии у Деметрия молодой жены из дома Селевкидов, могла бы планировать свое будущее, исходя из подобных иллюзий. Поэтому мы продолжаем считать невозможным согласие хозяйки Коринфа на брак с македонским царевичем при наличии у последнего более знатной и более молодой супруги.

Последний из доводов, приведенных авторами статьи в пользу более ранней датировки брака Деметрия и Стратоники, базируется на том обстоятельстве, что сыну Гоната в середине 240-х гг. было около тридцати лет. Они считают маловероятным вступление наследника македонского престола в первый брак в столь зрелом возрасте (см. выше). Однако нам известно несколько случаев, при которых не только наследники престола, но даже эллинистические правители достигали еще более зрелых лет, оставаясь при этом неженатыми. Так, сам Антигон Гонат вступил в брак с Филой (см. прим. 18), когда ему было уже за сорок [ср.: Ogden 1999, 178; Кузьмин 2003.1, 36]. В свою очередь, преемник Филадельфа на александрийском престоле Птолемей III Эвергет взял в жены Беренику Киренскую [Catullus 1975, LXVI; ср.: Justinus 1911, XXVI, 3; Gehrke 1990, 103; Gutzwiller 1992, 359; Ogden 1999, 80–81; Зелінський 2010, 504–505, прим. 438], будучи примерно 35-летним мужчиной [Huss 2001, 306–307; Зелінський 424, 505, прим. 440]. Таким образом, весьма поздние браки в среде представителей эллинистических царских домов не были столь уж невероятными. Следовательно, и этот аргумент, приведенный моими оппонентами, также является недостаточно убедительным.

В заключение осталось отметить, что, хотя публикация О.Л. Габелко и Ю.Н. Кузьмина побудила меня пересмотреть ряд высказанных ранее предположений, в целом я и далее предлагаю относить брак будущего Деметрия II и Стратоники к 246 г.

¹ Согласно вавилонской клинописной традиции, известие о смерти Теоса дошло до Вавилона в конце второй декады августа 246 г. Это обстоятельство послужило ряду исследователей основанием для датировки смерти царя началом лета вышеуказанного года [Olmstead 1937, 8; Sachs, Wiseman 1954, 206; Grainger 1997, 14; idem 2010, 155; Voüy 2004, 148; ср.: Габелко, Кузьмин 2012, 29, прим. 9]. Вместе с тем согласно данным хроники Евсевия, Антиох II умер на 33-м году 133-й олимпиады, т.е. не ранее середины июля 246 г. [Eusebius 1967, I, 251], что указывает на целесообразность более поздней датировки упомянутого события.

² Следует отметить, что О.Л. Габелко и Ю.Н. Кузьмин, со множеством оговорок и возражений, вынуждены были признать гипотетическую возможность подобного развития событий [Габелко, Кузьмин 2012, 33, прим. 32].

³ Д. Огден, ссылаясь на свидетельство Полиена, высказал точку зрения, согласно которой Лаодика, жена Антиоха II, была не дочерью Ахея, а единокровной сестрой самого царя [Polyaenus 1899, VIII, 50; Ogden 1999, 124, 161 not. 38–39]. Однако большинство исследователей вслед за Порфирием/Евсевием считают первую супругу Теоса дочерью Ахея [ср.: Ogden 1999, 161 not. 39].

⁴ Основными аргументами в пользу данного предположения являются браки, заключенные дочерьми Ахея, Антиохидой и Лаодикой, соответственно, с представителями дома Атталидов и Селевкидов [Strabo 1899, XIII, IV, 2; Eusebius 1967, I, 251]. При этом также следует принять во внимание имена обеих девушек, имеющие явно селевкидские коннотации, поскольку, как известно, родителей Селевка I Никатора звали Антиох и Лаодика [Appianus 1962, 57; Justinus 1911, XV, 3; Бенгтсон 1982, 59].

⁵ Стоит отметить, что один из авторов статьи, О.Л. Габелко, в своей более ранней работе охарактеризовал практику выдачи замуж царевен из дома Селевкидов за восточных династов как “добровольный мезальянс” [Габелко 2006, 509–510].

⁶ Несколько ранее о подобной возможности вскользь упомянули С. Шервин-Уайт и Э. Курт [Sherwin-White, Kuhrt 1993, 24].

⁷ Ряд исследователей считают, что официальное усыновление Арсиной Филадельфой детей Птолея II от первого брака носило фиктивный характер и было осуществлено лишь после смерти данной царицы [ср.: Kirsten, Opelt 1989, 61; Bennett 2005, 94–95]. Однако, с моей точки зрения, логичнее предположить, что Арсиноа усыновила детей Птолея в ответ на усыновление последним ее собственного старшего сына от брака с Лисимахом Фракийским [Зелінський 2009, 26, 32, прим. 5; он же 2010, 305, прим. 236; 316, прим. 305; ср.: Жигунин 1982, 72–73, 102–110; Oikonomides 1984, 148–150; Huss 1998, 229–250; idem 2001, 255–256, 259, 273–274, 280–283, 306, 311–312, 348–349].

⁸ Я разделяю мнение исследователей, видящих в имени Хрисеида прозвище эпирской царевны Фтии, имеющее гомеровские коннотации [ср.: Ogden 180, 195 not. 67; Габелко, Кузьмин 2012, 35, прим. 40]. На мой взгляд, данная коннотация заключается в том, что женитьба Деметрия на Фтии стала причиной раздора между Антигонидами и Селевкидами [Justinus 1911, XXVIII, 1; Жигунин 1980, 133–134; ср.: Габелко, Кузьмин 2008, 145, 150–151; они же 2012, 30], подобно тому, как история с дочерью жреца Хриса в итоге привела к ссоре между Агамемноном и Ахиллом [Homerus 1901, I].

⁹ Post multum temporis aroore superatus Laudicen cum liberis suis reduxit in regiam [Porphyrius 1923–1958, FGH, f. 43; = Hieronymus 1958, XI, 6–7; ср.: Maximus 2000, IX. XIV. e1; Plinius 1871–1874, VII, 53].

¹⁰ К тому времени цари из династии Селевкидов уже трижды назначали своих сыновей соправителями. Селевк I Никатор сделал соправителем своего старшего сына Антиоха (см. выше). Сам же Антиох, став царем, сперва назначил своим соправителем старшего сына Селевка [Trogus 1956, XXVI; Бикерман 1985, 23–24; Sherwin-White, Kuhrt 1993, 37; Grainger 1997, 13; Ogden 1999, 125, 161 not. 41–42]. Когда же последний был казнен по подозрению в измене, соправителем отца стал сам будущий Антиох II Теос [Trogus 1956, XXVI; Бикерман 1985, 23; Sherwin-White, Kuhrt 1993, 37; Grainger 1997, 13; Ogden 1999, 125, 161 not. 42].

¹¹ В пользу такого развития событий свидетельствует тот факт, что Лаодика после развода осела в Малой Азии – регионе, где семейство Ахея пользовалось сильным влиянием [ср.: Grainger 2010, 135].

¹² Так образно называл эти города внук Гоната, македонский царь Филипп V [Livius 1912, XXXII, 37; Plutarchus 1968, 10].

¹³ Я всецело разделяю точку зрения исследователей, относящих европейскую кампанию Антиоха II [Polyaenus 1899, IV, 16; Memnon 1923–1958, FGH, 434, f. 15] ко времени II Сирийской войны [Дройзен 1995, 220–222; Невская 1953, 140–141; Сапрыкин 1986, 137; он же 1996, 52; Huss 2001, 283 *Ann.* 237; Габелко 2006, 215, прим. 851; Габелко, Кузьмин 2012, 28, прим. 7], а не к 250 г. [Will 1979, 247–248; Жигунин 1980, 113–114; Cohen 1995, 83; Grainger 2010, 142–145].

¹⁴ Об этом свидетельствует факт завоевания данной области Птолемеем Эвергетом [OGIS, 54; Polybius 1882, V. 34; Hoelbl 2001, 50; Huss 2001, 348].

¹⁵ Дж. Грейнджер хоть и не считает, что действия Арата и Александра Коринфского привели к усилению позиций Филадельфа в Греции, однако не отрицает серьезного ослабления Гоната ввиду пелопоннесских событий конца 250-х гг. [Grainger 2010, 151].

¹⁶ Большинство современных исследователей датируют смерть Магаса 250/249 г. [ср.: Hoelbl 2001, 45–46; Bennett 2003, 69; Grainger 2010, 146–148]. Исчерпывающий источниковедческий и историографический анализ проблемы, связанной с различными датировками смерти Магаса, и, соответственно, заключения вышеупомянутого соглашения правителя Кирены с Филадельфом [ср.: Justinus 1911, XXVI, 3] осуществил К. Беннетт в рамках своего электронного проекта “Egyptian royal genealogy” – <http://www.tyndalehouse.com/Egypt/ptolemies/magas_i_fr.htm>.

¹⁷ О нарастании напряженности в отношениях между Птолемеем II и остальными ведущими эллинистическими властителями в указанный период см., н-р: [Grainger 2010, 146–152].

¹⁸ К тому времени Селевкиды и Антигониды успели породниться дважды. Стратоника, дочь Деметрия I Полиоркета, стала сперва женой Селевка I, а затем Антиоха I [Nepos 2001, XXI, 3; Plutarchus 1875, 31–32; также см. выше]; тогда как дочь Селевка I и Стратоники, Филадельфа, была выдана замуж за Антигона Гоната [Бенгтсон 1982, 179; Жигунин 1980, 66; Hammond, Walbank 1988, 251; Ogden 1999, 178, 194 not. 50; Кузьмин 2003, 36, прим. 87].

¹⁹ Киренская эскапада закончилась для Деметрия трагически. Настроив против себя население Кирены с Береникой включительно, он был убит по приказу последней [Trogus 1956, XXVI; Justinus 1911, XXVI, 3; ср.: Catullus 1975, LXVI, 27–28].

²⁰ Во всяком случае, о наличии у Никеи детей от Александра не упоминают ни Плутарх, ни Полиен [Plutarchus 1971, 17; Polyaeus 1899, IV, VI, 1].

²¹ Именно такой Никею изображает Плутарх [Plutarchus 1971, 17, 2].

²² Стоит также подчеркнуть, что сами О.Л. Габелко и Ю.Н. Кузьмин вынуждены были признать гипотетичность предположения о бездетности Стратоники. Вполне вероятно, что именно она родила Деметрию дочь по имени Апама [ср.: Ogden 1999, 179; Габелко, Кузьмин 2008, 160–161], хотя теоретически нельзя полностью отрицать возможность рождения этой македонской царевны от Фтии/Хрисеиды [ср.: Габелко, Кузьмин 2012, 32].

ЛИТЕРАТУРА

Бенгтсон Г. *Правители эпохи эллинизма* / Пер. с нем. Москва, 1982.

Бикерман Э. *Государство Селевкидов* / Пер. с франц. Москва, 1985.

Бикерман Э. *Хронология Древнего мира* / Пер. с англ. Москва, 1976.

Габелко О.Л. *Анатолийское этнополитическое койне и особенности эллинизма в Малой Азии (на примере Вифинского царства): Дис... докт. ист. наук: 07.00.03 / Каз. гос. ун-т. Казань, 2006.*

Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н. Заметки о матримониальной политике Антигонидов в 50–20-е гг. III в. до н.э. // *Проблемы истории, филологии, культуры*, 2012, № 1.

Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н. Матримониальная политика Деметрия II Македонского: новые решения старых проблем // *ВДИ*, 2008, № 1.

Дройзен И. *История эллинизма* / Пер. с нем.: В 3 т. Ростов-на-Дону, 1995. Т. 3.

Жигунин В.Д. *Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э.* Казань, 1980.

Жигунин В.Д. О морской победе Птолемея Филадельфа над Антигоном Гонатом // *Античность: эпоха и люди*. Казань, 2000.

Зелінський А.Л. *Александрійські фараони та їхні піддані. Зміщення влади перших Птолемейів*. Київ, 2010.

Зелінський А.Л. До дискусії стосовно Береніки Посидіппа (P. Mil. Vogl. 309 AB 78–82) // *Східний світ*, 2006, № 2.

Зелінський А.Л. Птолемей III і Анубіс: можливість неофіційного ототожнення // *Східний світ*, 2009, № 4.

Зелинский А.Л. Возможная датировка брака Деметрия II со Стратоникой // *Східний світ*, 2011, № 2.

Зелинский А.Л. К датировке брака будущего Деметрия II со Стратоникой // *Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире* / Ред. О.Л. Габелко. Казань, 2009.

Зелинский А.Л. *Terminus post quem* для восстания Александра Коринфского // *Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VI Международной научной конференции, по-*

священной 150-летию со дня рождения академика В.П. Бузескула (10–11 октября 2008 года, Харьков). Харьков, 2008.

Кузьмин Ю.Н. Внутренняя и внешняя политика Македонского царства (270–230 годы до н.э.): Дис... канд. ист. наук: 07.00.03 / Саратов. гос. ун-т. Саратов, 2003.

Кузьмин Ю.Н. Деметрий II – соправитель Антигона Гоната // *Antiquitas aeterna*. Вып. 1 (2005).

Кузьмин Ю.Н. К истории III в. до н.э.: мятеж Александра, сына Кратера // *Studia historica*. 2003. Вып. 3.

Невская В.П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. Москва, 1953.

Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. Москва – Ленинград, 1950.

Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонесс Таврический. Москва, 1986.

Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. Москва, 1996.

Шахермайр Ф. Александр Македонский / Пер. с нем. Москва, 1984.

Adams W. Alexander's Successors to 221 BC // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. J. Roisman & I. Worthington. Oxford, 2010.

Appianus. Syriaca // *Appiani Historia Romana*: In 2 v. / Ed. P. Viereck et A.G. Roos. Lipsiae, 1962. V. 1.

Arrianus Flavius. Anabasis. Lipsiae, 1899.

Arrianus Flavius. Fragmenta // *Die Fragmente der griechischen Historiker*: In 3 Bd. / Hrsgb. F. Jacoby. Berlin – Leiden, 1923–1958. Bd. 2. FGH.

Athenaeus. Deipnosophistae: Libri XV: In 2 v. / Rec. G. Kaibel. Lipsiae, 1887.

Beloch K. Griechische Geschichte: In IV Bd. Berlin – Leipzig, 1927. Bd. IV. T. 2.

Bennett Ch. Arsinoe and Berenice at the Olympics // *ZPE*. Bd. 154 (2005).

Bennett Ch. Three Notes on Arsinoe I // *A Delta-Man in Yebu* / Ed. A. Eyma, Ch. Bennett. Parkland, 2003.

Bevan E. The House of Ptolemy. London, 1927.

Beyer-Rothhoff B. Untersuchungen zur Aussenpolitik Ptolemaios> III. Bonn, 1993.

Billows R. Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden – New York – Köln, 1995.

Boiy T. Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven, 2004.

Buraselis K. Das hellenistische Makedonien und die Aegäis: Forschungen zur Politik des Kassandros und der drei ersten Antigoniden im Aegaeischen Meer und in Westkleinasien. Muenchen, 1982.

Buraselis K. Kronprinzentum und Realpolitik. Bemerkungen zur Thronanwartschaft, Mitregentschaft und Thronfolge unter den ersten vier Ptolemaeern // *Gerión* (an.). V. 9 (2005).

Catullus C. Valerius. Carmina / Ed. W. Eisenhut. Muenchen, 1975.

Cicero M. Tullius. De officiis // *Ciceronis De officiis* / Ed. M. Winterbottom. Oxonii – New-York, 1994.

Cohen G. The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor. Berkeley, 1995.

Debevoise N. A Political History of Parthia. Chicago, 1938.

Diodorus Siculus. Bibliotheca Historica: In 4 v. V. 1. / Ed. I. Bekker. Lipsiae, 1884.

Diogenes Laertius. Diogeni Laertii Vita Philosophorum / Rec. H. Long. Oxford, 1922.

Dmitriev S. The Last Marriage and the Death of Lysimachus // *GRBS*. V. 47 (2007).

Eusebius. Chronicon // *Eusebi Chroniconum canonum quae supersunt*: In II v. / Ed. A. Schoene. Berlin, 1967. B. 1.

Gehrke H.-J. Geschichte des Hellenismus. Muenchen, 1990.

Grainger J. A Seleukid Prosopography and Gazetteer. Leiden – New-York – Koeln, 1997.

Grainger J. The Roman war of Antiochos the Great. Leiden – Boston, 2002.

Grainger J. The Syrian Wars. Leiden – Boston, 2010.

Gutzwiller K. Callimachus > Lock of Berenice: Fantasy, Romance, and Propaganda // *AJPh*, 1992, № 3.

Hammond N.G.L., Walbank F. A History of Macedonia: In III v. Oxford, 1988. V. III.

Heinen H. The Syrian-Egyptian Wars and the new kingdoms of Asia Minor // *The Cambridge Ancient History*: In XII v. (Ed. 2). Cambridge – London – New-York – New-Rochelle – Melbourne – Sydney, 1984. V. VII.

The Hibe Papyri / Ed. B.P. Grenfell, A.S. Hunt, E.G. Turner, M.T. Lenger. London, 1906–1955. P.Hib.

Hieronymus Sanctus. Commentarii in Daniele // *Jerome's commentary on Daniel* / Ed. and transl. G.L. Archer. Grand Rapids, 1958.

Hoelbl G. A History of the Ptolemaic Empire / Transl. from germ. London – New-York, 2001.

Homerus. Ilias: In 2 v. / Ed. G. Dindorf, C. Hentze. Lipsiae: Teubner, 1901. V. 1.

Huss W. Aegypten in hellenistischer Zeit: 332–30 v.Chr. Muenchen, 2001.

Huss W. Ptolemaios der Sohn // *ZPE*. Bd. 121 (1998).

- Jones C., *Habicht Ch.* A Hellenistic Inscription from Arsinoe in Cilicia // **Phoenix**. 1989. Vol. 43, № 4.
- Justinus M. *Junianis. Pompeius Trogus "Historiae Philippicae" Epitome* / Ed. W. Kroll. Lipsiae, 1911.
- Kirsten E., *Opelt I.* Eine Urkunde der Gruendung von Arsinoe in Kilikien // **ZPE**. Bd. 77 (1989).
- Kosmetatou E. Constructing legitimacy. The Ptolemaic "Familiengruppe" as a means for self-definition in Posidippus > Hippika // **Labored in Papyrus Leaves. Perspectives on an Epigram Collection Attributed to Posidippus (P.Mil.Vogl. VIII 309)** / Ed. B. Acosta-Hughes, E. Kosmetatou and M. Baumbach. Washington, DC: Center for Hellenic Studies / Harvard, 2004.
- Lewis N. **Greeks in Ptolemaic Egypt**. Oxford, 1986.
- Mahaffy J.P. **A history of Egypt under the Ptolemaic dynasty**. London, 1899.
- McGing B. **Polybios' Histories**. Oxford, 2010.
- Memnon. De Heraclea // **Die Fragmente der griechischen Historiker**: In 3 Bd. / Hrsgb. F. Jacoby. Berlin – Leiden, 1923–1958. Bd. 3. FGH.
- Mori A. **The Politic of Apollonius Rhodius' Argonautica**. Cambridge – New York – Melbourne etc., 2008.
- Mueller S. **Das hellenistische Koenigspaar inder medialen Repraesentation: Ptolemaios II. und Arsinoe II.** Berlin – New York, 2009.
- Musti D. Syria and the East // **The Cambridge Ancient History**: In XII v. Ed. 2. Cambridge – London – New-York – New-Rochelle – Melbourne – Sydney, 1984. V. VII.
- Nepos Cornelius. *Vitae* / Ed. P.K. Marshall. Monachii, 2001.
- Ogden D. **Polygamy, Prostitutes, and Death: The Hellenistic Dynasties**. Swansea, 1999.
- Oikonomides A. The Death of Ptolemy "The Son" at Ephesos and P.Bouriant 6 // **ZPE**. Bd. 56 (1984).
- Olmstead A. Cuneiform Texts and Hellenistic Chronology // **CPh**. 1937. № 1.
- Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Supplementum Sylloges inscriptionum graecorum**: In 2 v. / Ed. G. Dittenberger. Lipsiae, 1903–1905.
- Pausanias. *Graeciae descriptio*: In 3 v. V. 1. / Ed. M.H. Rocha-Pereira. Lipsiae, 1973.
- Plinius Secundus. *Historiae Naturalis*: In 5 v. / Ed. R. Hubert. Lipsiae, 1871–1874.
- Plutarchus. Aratus // **Plutarchus. Vitae Parallelae**: In 3 v. / Ed. K. Ziegler. Lipsiae, 1971. V. 3.
- Plutarchus. Demetrius // **Plutarchus. Vitae Parallelae: Demetrii et Antonii** / Rec. C. Sintensis. Lipsiae, 1875.
- Plutarchus. Titus Flamininus // **Plutarchus. Vitae Parallelae**: In 3 v. / Ed. K. Ziegler. Lipsiae, 1968. V. 2.
- Polyaenus. *Strategmata* / Rec. C. Schubert. Lipsiae, 1899.
- Polybius. *Historiae*: In 2 v. V. 2. / Ed. Th. Buttner-Wobst. Lipsiae, 1882.
- Pompeius Trogus. *Prolegomena ad Historiam Philippicam* // Pompei Trogi fragmenta / Coll. O. Seel. Lipsiae, 1956.
- Porphyrius. *Fragmenta* // **Die Fragmente der griechischen Historiker**: In 3 Bd. / Hrsgb. F. Jacoby. Berlin – Leiden, 1923–1958. Bd. 2. FGH.
- Sachs A., Wiseman D. A Babylonian King List of the Hellenistic Period // **Iraq**, 1954, № 2.
- Seibert J. **Historische Beiträge zu den Dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit**. Wiesbaden, 1967.
- Sherwin-White S., Kuhrt A. **From Samarkhand to Sardis: A new approach to the Seleucid empire**. Berkeley – Los Angeles, 1993.
- Strabo. *Rerum Geographicorum. Libri 17* / Ed. G. Spiro, H. Waldman. Halle, 1899.
- Świderek A. **Hellada królów**. Warszawa, 1967.
- Tarn W. Queen Ptolemais and Apama // **CQ**, 1929, № 3/4.
- Titus Livius. *Titi Livi ab urbe condita*: In 3 v. V. 3 / Rec. P.G. Walsh. Leipzig, 1912.
- Theocritus. *Idyllia* / Ed. A. Fritzsche et E. Hiller. Lipsiae, 1881.
- Valerius Maximus. *Factorum et dictorum memorabilium libri novem* // **Valerius Maximus: Memorable Doings and Sayings**. Two volumes / Ed. and transl. D.R. Shackleton Bailey. Cambridge (Mass.), 2000.
- Walbank F. **The Hellenistic World**. Ed. 2. Cambridge (Mass.), 1993.
- Walbank F. Macedonia and Greece // **The Cambridge Ancient History**: In XII v. Ed. 2. Cambridge – London – New-York – New-Rochelle – Melbourne – Sydney, 1984. V. VII.
- Will E. **Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.)**. T. 1. De la mort d'Alexandre aux avènements d'Antiochos III et de Philippe V (2 éd.). Nancy, 1979.
- Winnicki J.-K. **Operacje wojskowe Ptolemeuszów w Syrii**. Warszawa, 1989.